

ЗЕЛЕНИНА Тамара Ивановна

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ПОСРЕДНИК
ПРИ ОСВОЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ
УДМУРТСКИМ ЯЗЫКОМ**

10.0220 - сравнительно-историческое, типологическая
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Зеленина ✓

Екатеринбург-2003

Работа выполнена в государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования
"Удмуртский государственный университет"

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Демидова Калерия Ивановна

доктор филологических наук,
профессор
Игушев Евгений Александрович

доктор филологических наук
Насибуллин Риф Шакрисламович

Ведущая организация: Мордовский государственный университет

Защита состоится 4 апреля 2003 года в 15 часов на заседа-
нии диссертационного совета Д 212.283.02 при государственном
образовательном учреждении высшего профессионального обра-
зования "Уральский государственный педагогический универси-
тет" по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Уральского государственного педагогического университета.

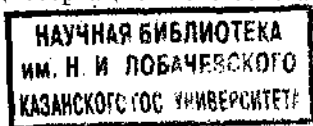
Автореферат разослан 1 марта 2003 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЮГ

0000011165

Ученый секретарь
диссертационного совета

Пирогов Н.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена изучению роли русского языка как посредника при освоении удмуртским языком иноязычной лексики французского происхождения, в том числе такой, которая не была для французского языка исконной. Указанная лексика рассматривается в общем контексте освоения удмуртским языком иноязычной лексики.

Актуальность темы. В многонациональном регионе, каким является Удмуртская Республика, проблемы межкультурного и интеркультурного взаимодействия являются особенно актуальными. В постсоветскую эпоху, отличающуюся коренными изменениями в социальной и экономической структуре общества и его демократизацией, наблюдаются процессы возрождения национальных языков и культур, активизация этнического самосознания. Вполне закономерная тревога о судьбе родного языка иногда выливается в стремление полностью оградить его от заимствований. Однако при решении этой проблемы, помимо эмоциональной реакции, следует основываться на глубоком научном исследовании взаимодействия исконной и заимствованной лексики. Необходимо детально изучить механизмы адаптации иноязычной лексики национальными языками народов России и роль русского языка как посредника в этом процессе.

Известный венгерский лингвист Л. Гальди обратил внимание на влияние русского языка, в частности его наиболее типичных европеизмов, на тюркские, монгольские, финно-угорские, самодийские, кавказские, палеоазиатские и другие языки и указал, что "первейшей задачей (к сожалению, довольно сложной) будет установить, какие примерно *романские элементы через посредство русского языка* (выделено нами. - Т.З.) нашли доступ в ряд языков - вплоть до Центральной Азии. Сколь бы невыполнимой ни казалась эта задача, ее придется разрешить, по крайней мере, сначала для отдельных языков и групп языков". Предпринятое нами исследование французской лексики, проникшей в удмуртский язык через русский, является одним из этапов решения этой проблемы.

Исследования заимствований в *русском языке* многочисленны. Изданы разные типы словарей (В. Даль, Л.П. Крысин, А.Д. Михельсон, А.Г. Преображенский, М. Фасмер, П.Я. Черных, Н.М. Шанский и др.), монографические работы, учебники и учебные пособия по истории русского языка (Ю.А. Бельчиков, Е.Э. Биржакова, В.В. Веселитский, В.В. Виноградов, Л.А. Войнова, А.И. Горшков, А.И. Ефимов, Л.Л. Кутина, П.Н. Полевой, А.И. Соболевский, Ю.С. Сорокин, Ф.П. Сороколетов и др.), дающие некоторое представление и о французских элементах в лексике русского языка.

Имеются исследования, посвященные непосредственно французским заимствованиям в русском языке (Л. Гальди, К.-Г. М. Готлиб, М. Калиневич, Н.А. Колосова, Е.М. Михайлова, О.А. Пылакина и др.). Работы велись под знаком доминирующего влияния французского языка и французской культуры, граничащего с галломанией. Однако прошло почти два века русской истории и истории русского языка, а "специальных работ, исследующих такой обширный и важный пласт русской лексики, как французские заимствования, очень немного" (Е.В. Михайлова). В научной литературе уделяется большое внимание историческим контактам России и Франции, но сама языковая материал как объект исследования представлен незначительно. Изучались фонетические и морфологические процессы при заимствовании галлицизмов русским языком (М. Калиневич). На синхронном уровне рассмотрен словообразовательный аспект французских слов в современном русском языке, в частности выявлены особенности словообразовательных гнезд галлицизмов, разработан принцип составления толково-словообразовательного словаря французских заимствований (Е.В. Михайлова). В историческом плане изучен процесс проникновения слов французского происхождения в русскую письменность конца XVII - начала XVIII в. (О.А. Пылакина). Способствуют осмыслению адаптации французских заимствований в русском языке общие труды по контрастивному анализу французского произношения в сравнении с русским (Л.В. Щерба), а также труды по сравнительной типологии и лексикологии двух языков (В.Г. Гак).

Что касается теоретических исследований, направленных на изучение взаимодействия *удмуртского языка* с другими

языками, то достаточно полно изучены удмуртско-тюркские контакты (Ф.С. Баязитова, Э. Беке, В.К. Кельмаков, И.В. Тараканов, Х. Паасонен, С. Сааринен, Ш. Чуч и др.); предметом исследований являлись вопросы прапермско-булгарского (Ю. Вихманн, В.К. Кельмаков, Р.Ш. Насибуллин, К. Редей, А. Рона-Таш, И.В. Тараканов, Т.И. Тепляшина, М.Р. Федотов и др.) и пермско-иранского (В.И. Лыткин, И.В. Тараканов и др.) языкового взаимодействия; внимание ученых было обращено также на маргинальные контакты удмуртского языка с марийским (Г. Берецки, В.И. Вершинин, И.С. Галкин, А.Н. Куклин), коми (С.А. Максимов) и башкирским (Н.Х. Ишбулатов, Н.Х. Максютובה, И.В. Тараканов) языками. На наличие русских заимствований в удмуртском языке первыми обратили внимание языковеды Ф.И. Видеманн, Б. Мункачи и Ю. Вихманн. Затем появились сведения о русско-удмуртских языковых контактах в работах, опубликованных В.И. Алатыревым, В.М. Вахрушевым, Ш. Чучем, В.К. Кельмаковым, М.К. Каракулевой и другими лингвистами. Достаточно полное исследование, касающееся русских заимствований в удмуртском языке, проведено Р.Ш. Насибуллиным ("Русские заимствования в удмуртском языке: дооктябрьский период", 1999), в котором разработана периодизация русских заимствований дооктябрьского периода, показана скорость перемещения русских слов на фоне булгарских заимствований, распределена лексика по понятийным группам, изучена с помощью машинной обработки структура заимствованных слов.

Анализ имеющихся исследований по русским заимствованиям в удмуртском языке свидетельствует о том, что изучение иноязычной лексики, заимствованной через русский язык, сводится лишь к констатации этого явления, между тем проникновение и освоение опосредованной лексики языком-реципиентом как совокупность взаимодействующих уровней языка требует теоретического осмысления.

Особенность нашего исследования по сравнению с ранее выполненными в русле данной тематики работами состоит в том, что в нем основное внимание уделяется освоению удмуртским языком иноязычной лексики, опосредованной русским языком, и на конкретном языковом материале разрабатываются теоретические вопросы, связанные с изучением механизма адаптации

опосредованных заимствований. В таком плане, насколько нам известно, исследований не проводилось. Не рассматривалось также функционирование опосредованной иноязычной лексики в отдельных лексических подсистемах удмуртского языка с учетом посреднической роли русского языка в контексте лексики типологически разных языков. Опыт сопоставления удмуртского языка с европейскими, например английским или немецким, в удмуртском языкознании имеется, но, как правило, работы посвящены фонетическому и грамматическому аспектам изучения языков (Т.А. Краснова, К.А. Ложкина, В.В. Поздеев, Н.И. Пушина, Г.А. Тронина и др.).

Противоречие между объективной потребностью теоретического осмысления путей освоения и функционирования в удмуртском языке опосредованных заимствований и отсутствием комплексных системных исследований, позволяющих составить целостное представление о процессе опосредования иноязычной лексики, определило проблему исследования, которая сформулирована следующим образом: каковы закономерности процесса освоения опосредованной иноязычной лексики удмуртским языком?

Решение этой проблемы обусловило цель данного исследования, заключающуюся в выявлении закономерностей посредничества русского языка при освоении французской по происхождению лексики удмуртским языком в общем контексте освоения иноязычной лексики.

Объект исследования составляет лексика удмуртского языка, пришедшая из французского языка (или при посредничестве французского языка) через русский, рассматриваемая с учетом других источников заимствования.

Предметом исследования является посредническая роль русского языка при адаптации лексики, заимствованной удмуртским языком из французского языка (или при посредстве французского), в общем контексте пополнения удмуртского языка иноязычными элементами.

В соответствии с целью, объектом и предметом исследования потребовалось решить следующие задачи:

- 1) выявить специфические условия заимствования удмуртским языком лексики французского происхождения;

- 2) изучить механизмы адаптации удмуртским языком слов французского происхождения, заимствованных через русский язык, на фонетическом, морфологическом, семантическом уровнях;
- 3) выявить национальное и интернациональное в отдельных лексических подсистемах удмуртского языка в свете посреднической роли русского языка (удмуртская фитонимия, личные имена удмуртов, удмуртский календарь);
- 4) рассмотреть специфику освоения удмуртским языком иноязычной лексики на разных этапах его развития, в различных социально-исторических условиях с учетом дискуссии о возможных последствиях широкого проникновения заимствованной лексики в удмуртский язык.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых по финно-угорскому (М.Г. Атаманов, В.М. Вахрушев, В.Е. Владыкин, В.К. Кельмаков, С. Лаллукка, П.Н. Луппов, Б. Мункачи, Р.Ш. Насибуллин, И.В. Тараканов, Т.И. Тепляшина Ш. Чуч и др.), романскому (В. фон Вартбург, П. Гиро, А. Доза, В.Г. Гак, М. Калиневич, Н.Г. Корлэтяну, Т.А. Репина, Л.В. Шерба и др.), общему (С. Карцевский, Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников, Р. Халлиг и др.) языкознанию и русистике (Ю.А. Бельчиков, Е.Э. Биржакова, В.В. Виноградов, Л.А. Войнова, А.И. Горшков, А.И. Ефимов, Л.П. Крысин, Л.Л. Кутана, М.И. Матусевич, Ю.С. Сорокин и др.), касающиеся вопросов сравнительной типологии, описательной и исторической лексикологии, фонетики и грамматики, лексикографии и языковых контактов.

При написании диссертации были проанализированы исследования, в которых рассматривались проблемы заимствований (а также двуязычия) в языках Российской Федерации и бывшего СССР: коми (Е.А. Айбабина, Е.А. Игушев, В.И. Лыткин), марийском (Г. Берецки, Н.И. Исанбаев, А.А. Саваткова, З.Ф. Учаев), мордовском (М.В. Мосин, О.Е. Поляков, Т.М. Шеянова), башкирском (Г.Д. Зайнуллина, З.М. Кильметова), татарском (Р.Г. Ахметьянов, Э.М. Ахунзянов), чувашском (А.Е. Горшков), якутском (П.А. Слепцов), молдавском (Т.П. Ильяшенко), грузинском (Р.Ч. Чхенкели), казахском (Л.П. Ефремов) и др.

Методы исследования. Материал исследовался в аспекте сравнительной типологии языков, в некоторых случаях к рассмотрению привлекались генетические связи слов (элементы сравнительно-исторического метода). Использовались также синхронно-лексикографический, диахронический, описательный, графический методы и элементы квантитативного метода. Применялись психолингвистические методики (опрос информантов - носителей удмуртского языка).

Материал исследования. Способом сплошной и частичной выборки из различных словарей и научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей был составлен словарь французских по происхождению слов в русском языке, в который включались слова, имеющие хотя бы одно указание на французское происхождение (более 4000 слов). На основе данного словаря были выявлены французские по происхождению слова (1435), зафиксированные в удмуртском языке. Активно использовалась составленная сотрудниками лаборатории математической лингвистики Удмуртского государственного университета картотека, фиксирующая употребляемость русских заимствований в удмуртских письменных источниках (более 60 тысяч словоупотреблений) с указанием первой фиксации в удмуртском языке.

При выявлении опосредованных заимствований в отдельных лексических подсистемах использовался материал изданных удмуртских словарей, в том числе специализированных. Интернациональный характер слов подтверждался путем сопоставления с аналогичными словами из французского, английского, немецкого и других типологически разных языков (всего в работе использовано около 20 тысяч примеров).

Научная новизна работы состоит: 1) в выявлении корпуса французских по происхождению слов, пришедших в удмуртский язык при посредничестве русского языка, с учетом общего контекста пополнения удмуртского языка лексикой иноязычного происхождения; 2) в определении основных направлений адаптации французских слов языком-посредником (русским) и языком-реципиентом (удмуртским); 3) в установлении закономерностей функционирования опосредованной интернациональной лексики в трех лексических подсистемах удмуртского языка (удмуртская фитонимия, личные имена удмуртов,

удмуртский календарь) и в выявлении взаимоотношения исконных и заимствованных слов в контексте лексики типологически разных языков; 4) в выявлении экстралингвистических и интралингвистических факторов, определяющих характер посреднической роли русского языка при адаптации иноязычной лексики национальным языком.

Теоретическая значимость диссертации заключается:

а) в выявлении механизма посредничества русского языка при освоении иноязычной лексики удмуртским языком; б) в установлении типологических особенностей взаимодействия французского, русского и удмуртского языков; в) в систематизации маркеров иноязычного происхождения в словах французского языка, заимствованных русским, а через его посредство удмуртским языком; г) в выявлении интернационального лексического фонда удмуртского языка; д) в создании методики изучения процессов заимствования удмуртским языком французских слов при участии русского языка, которая может быть использована для изучения заимствованной лексики в языках других народов России.

Практическая значимость. Исследуемый языковой материал может использоваться при создании этимологического и терминологических словарей удмуртского языка (нами составлены два словаря: "французское слово в удмуртском и русском языках: Этимологический словарь"; "Французская лексика, опосредованная русским языком, в удмуртском языке в контексте типологически разных языков: Многоязычный словарь"). Теоретический и практический материал может найти применение при проведении занятий на отделениях финно-угорской, романо-германской и русской филологии филологических факультетов высших учебных заведений. Включение интернационального лексического фонда в содержание учебно-методической литературы будет содействовать развитию практики языкового образования в полиэтническом регионе.

Апробация работы. Результаты работы были представлены на международных и российских конгрессах, симпозиумах, конференциях, круглых столах по вопросам финно-угорского, романского и общего языкознания, а также по проблемам преподавания языков: Дебрецен (Венгрия, 1990), Эспоо (Финляндия, 1991), Гренобль, Париж (Франция, 1994,

1999), Фрибург (Швейцария, 1997), Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Казань, Екатеринбург, Калинин, Ижевск (1986-2002).

Теоретические положения и языковой материал исследования были включены в курсы, читаемые в Институте иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета: "Проблемы этимологии слов (на материале французского, русского и удмуртского языков)", "Интернациональная лексика как способ обогащения лексики разносистемных языков".

Результаты наших собственных исследований и разработок научных коллективов, руководимых нами в рамках предоставленных Удмуртскому государственному университету грантов, стали частью проектов Российского гуманитарного научного фонда (1997-1999), Международного консорциума для гуманитарных и общественных наук (АЙРЕКС) совместно с Люнебургским университетом Германии (2000-2001), а также Поволжского гуманитарного фонда (2001).

Положения, выносимые на защиту:

1. Удмуртский язык является языком, открытым для заимствований (об этом свидетельствует количество заимствованных слов, в том числе французского происхождения), он достаточно свободно принимает иноязычную лексику и адаптирует её в соответствии с собственными потребностями. По существу, вся заимствованная из французского языка лексика проникла в удмуртский язык при посредстве русского языка; фонетические, морфологические и семантические показатели адаптации французских слов в русском языке обнаруживаются при анализе французских по происхождению слов в удмуртском языке.
2. Французская лексика, опосредованная русским языком, активизирует собственные языковые ресурсы удмуртского языка и дает пример реализации универсального закона избирательности при освоении заимствованных слов. Использование заимствованной лексики делает удмуртский язык богаче, создавая условия для гармоничного сочетания в составе удмуртского языка различных пластов лексики.
3. Определение динамики фиксации изучаемых слов позволило установить, что большинство французских слов

(свыше 80 %), вошедших в дальнейшем в удмуртский язык, были зафиксированы в русском языке в течение XVIII-XIX вв. В удмуртском языке пик заимствований французских слов, опосредованных русским языком, приходится на 20-40-е гг. XX в. (свыше 90 %). Ранее в связи с существующим укладом жизни удмуртов в Вятско-Камском регионе слова французского происхождения не были востребованы удмуртским языком. Интенсификация заимствований объясняется расширением межнациональных контактов.

4. Процесс пополнения удмуртской лексики заимствованиями неодинаково проходит в различных лексических подсистемах, что объясняется историей развития удмуртского языка, национальными культурными традициями: опосредованные заимствования вытеснили исконную лексику в личных именах удмуртов и удмуртском календаре; национальное проявление ярко выражено в удмуртской фитонимии.
5. Большинство опосредованных заимствований носит интернациональный характер. Предпринимаемые в последнее время попытки устранить русские слова, являющиеся интернациональными, заменяя их удмуртскими эквивалентами, представляются исторически неоправданными и, выводя удмуртский язык из общего процесса интернационализации лексики, могут привести к его обеднению. Поэтому нет оснований для отказа от использования интернациональной лексики удмуртским языком.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, двух разделов, заключения, библиографического списка, списка использованных словарей.

Во *введении* обосновывается актуальность и рассматривается степень изученности избранной для исследования темы; формулируется проблема исследования; определяются цель, объект, предмет и задачи исследования; указываются теоретические основы; характеризуются методы и материал; обосновываются научная новизна диссертации, теоретическая и практическая значимость работы; сообщаются сведения об её апробации; приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первом разделе представлен историко-типологический аспект изучения опосредованных заимствований, а именно: освещаются положения, наиболее существенные для понимания процесса проникновения заимствований одного и того же происхождения (французского) в два разных языка (русский и удмуртский) и определения роли русского языка как языка-посредника.

Второй раздел посвящен изучению опосредованных заимствований в контексте исконной лексики в отдельных лексических подсистемах удмуртского языка в сопоставлении с аналогичной лексикой других языков.

В выводах по разделам и в заключении представлены основные результаты по работе в целом.

Диссертация изложена на 324 страницах основного текста. Список использованной литературы состоит из 404 источников по исследуемым проблемам, из них 35 наименований на иностранных языках. Список использованных словарей включает 94 наименования, из них 64 - отечественных изданий, 28-зарубежных,

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Первый раздел диссертации "Опосредованные русские заимствования французского происхождения в удмуртском языке: историко-типологический аспект" состоит из трех глав. Две из них посвящены изучению особенностей освоения французской лексики русским языком и русской лексики французского происхождения удмуртским языком. В третьей главе рассматривается французская лексика, заимствованная удмуртским языком через русский, в ее отношении к другим языкам. Изложение материала первой и второй глав начинается соответственно с освещения в общих чертах исторических условий языковых контактов носителей французского и русского, русского и удмуртского языков.

Проникновение французской лексики в русский язык, а через него - в удмуртский, обусловлено самой историей народов-носителей этих языков. Французский язык, в свою очередь, также в силу исторических обстоятельств оказался открытым для заимствований из других языков.

Руководствуясь теоретическими положениями о функционировании внутренних и внешних языковых факторов в процессе заимствования и полученными в ходе исследования эмпирическими данными, мы установили виды преобразований русской лексики французского происхождения в удмуртском языке на фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях.

Как известно, в русском языке при заимствовании французской лексики происходила её фонетическая адаптация. Например, на месте французского носового гласного в русском слове наблюдается сочетание согласного и гласного: *avgnce* [avɑ̃:s] > *аванс*, *pincette* [pɛ̃sɛt] > *пинцет*, *balcon* [balkɔ̃] > *балкон*. Во многих случаях под влиянием письменной формы в русском слове появляется непронизосимый во французском слове конечный согласный: *drap* [dra] > *дран*, *béret* [berɛ] > *берет*.

Для нашего исследования особенно важен тот факт, что названные преобразования в полной мере сохраняются в удмуртском языке, ср.: *аванс*, *пинцет*, *балкон*, *дран*, *берет* и др.

Удмуртский язык, принимая русские слова французского происхождения на начальном этапе заимствования (XIX - начало XX в.), приспособлял их к собственной фонетической системе. Приведем наиболее яркие примеры,

1. Усечение конечного гласного: фр. *action* > рус. *акция* > удм. *акци*, фр. *armée* > рус. *армия* > удм. *арми*.

2. Отказ от скопления группы согласных, например, в виде а) вставки гласного между согласными (фр. *binocle* > рус. *бинокль* > удм. *бинокль*); б) появления опорного гласного -а на конце слова (фр. *litre* > рус. *литр* > удм. *литра*); в) выпадения конечного согласного (фр. *patente* > рус. *патент* > удм. *потен*); г) упрощения двойных согласных (фр. *milliard* > рус. *миллиард* > удм. *милиард*).

3. Замена фонемы: фр. *casserole* > рус. *кастрюля* > удм. *кастроль*, фр. *pasport* > рус. *паспорт* > удм. *пашпорт*, фр. *portefeuille* > рус. *портфель* > удм. *портцель*.

Приведенные выше и некоторые другие особенности адаптации русских слов французского происхождения к удмуртской фонетической системе, характерные для заимствований, были насильственно устранены в 30-50-е гг. XX в. вследствие шедшей сверху политической борьбы с нацио-

анизмом. Современные формы слов почти не сохранили следов более раннего фонетического облика русских заимствований французского происхождения. Исключение на сегодняшний день составляют некоторые слова с усеченной конечной гласной. Нами замечено, что в этом случае удмуртское звучание в окончании слов совпадает с первоначальным французским (совпадение является случайным): удм. *манер* < р^ус. *манера* < фр. *monière* [manjɛ:r], *минут* < *минута* < *minute* [minyt], *мемуар* < *мемуары* < *mémoires* [memwa:r], *финте* < *финансы*, < *finance* [finɑ:s]. Произносимый гласный на конце многих русских слов французского происхождения в удмуртском языке отражает фонетический и морфологический строй русского языка: *дана*, *кабина*, а не французского: *date* [dat], *cabine* [kabin].

В плане ударения удмуртский и французский языки являются языками окситонического типа, т. е. ударение падает на последний слог слова. Русский язык имеет подвижное ударение. Изученный нами материал трех языков показывает, что типологическое сходство акцентуации французского и удмуртского языков при изученном нами типе заимствований нейтрализуется: современный удмуртский язык сохраняет ударение, свойственное языку-посреднику. Совпадая с русским ударением, ударение в опосредованных русских заимствованиях в удмуртском языке отражает, как правило, поздние заимствования (фр. *aviateur* > рус. *авиáтор* > удм. *авиáтор*).

Во многих удмуртских словах обнаруживаются и следы морфологической адаптации слов французского происхождения русским языком. К их числу относятся слова, в которых удмуртский язык сохраняет русские суффиксы: фр. *academique* > рус. *академический* > удм. *академической*; фр. *agressif* > рус. *агрессивный* > удм. *агрессивной*.

Нередко в удмуртском слове отражается едва ли не весь путь продвижения слова из французского языка в удмуртский. Например, фр. *sender* > нем. *sondieren* > польск. *zondirować* > рус. *зондировать* > удм. *зондировать карыны*.

Характерной особенностью заимствования большинства русских существительных французского происхождения удмуртским языком является сохранение основы русского слова (*вассал*, *диагональ*, *коклюш*, *революция*). Грамматический род в

удмуртском языке отсутствует. Адаптация системой языка-реципиента опосредованных заимствований в области существительных выражается главным образом в способе образования множественного числа и реализуется, в частности, в прибавлении к форме единственного числа окончания *-ос (-ёс)*, использующегося и при образовании множественного числа исконных удмуртских существительных. Ср.: *кыл* "язык" / *кылъёс* "языки", *дэрем* "рубашка" / *дэремъёс* "рубашки" - исконные слова; *афиша* "афиша" / *афишаос* "афиши", *билет* "билет" / *билетъёс* "билеты" - опосредованные заимствования. Заимствованные из русского языка существительные, употребляющиеся только во множественном числе, в удмуртском языке воспринимаются как слова, стоящие в единственном числе, они могут приобретать суффикс *-ос (-ёс)*: *аплодисментъёс*, *кадръёс* (рус. *аплодисменты*, *кадры*).

В области *прилагательных* формальное разграничение исконных и заимствованных слов достигается путем присоединения к основе окончания *-ой*. Ср.: *вакчи* "короткий", *кезьыт* "холодный", *пӧсь* "горячий" - исконные удмуртские прилагательные; *агрессивной*, *актёрской*, *вакантной* - опосредованные заимствованные прилагательные, совмещающие в одной форме все три рода русских прилагательных (*агрессивный*, *-ая*, *-ое*).

Специфика удмуртского языка проявляется также в использовании заимствованного существительного в функции прилагательного без изменения формы: *парашиут* "парашют/парашютный", например, *парашиут десант* "парашютный десант".

В области *глагола* в исконных удмуртских словах в качестве показателя инфинитива используются суффиксы *-ыны*, *-аны (-яны)*: *кылыны* "слышать", *пыраны* "заходить, заезжать", *учкыны* "смотреть", *усьяны* "открывать". Среди русских опосредованных заимствований нам также встретились глаголы с этими суффиксами: *критикъяны* "критиковать", *манерьяськыны* "манерничать, жеманничать", но такие примеры единичны.

Для большинства же случаев заимствований глаголов удмуртский язык создал особый способ выражения - употребление заимствованного глагола в форме инфинитива + вспомогательного спрягаемого глагола *карыны* "делать":

диктовать карыны, суфлировать карыны. Присутствие при заимствованных из русского языка глаголах иноязычного происхождения компонента *карыны* свидетельствует о стремлении удмуртского языка формально отделить исконный лексический фонд от заимствованного. Аналогичное явление (прибавление дополнительного показателя) наблюдается и при перекоде заимствованных глаголов в разряд существительных: *балансировать трон* "балансирование", *изолировать карон* "изолирование", *реставрировать карон* "реставрирование".

Таким образом, процесс адаптации удмуртской грамматической системой опосредованных русских заимствований французского происхождения осуществляется, как выяснилось в ходе нашего исследования, тремя путями: 1) заимствованием слова без каких-либо изменений (*диагональ*); 2) включением заимствованного слова в грамматическую систему удмуртского языка (-ос/-ёс как показатели множественного числа существительных; -ыны, -аны/-яны как показатели глагольности соответствующей основы); 3) приданием заимствованному слову особого маркера, подчеркивающего иноязычный характер (окончание -ой - у прилагательных; вспомогательные компоненты: *карыны* - для обозначения глагола, *карон* - в качестве показателя субстантивации).

Хорошо известно, что в целом ряде случаев французское по происхождению слово используется в русском языке в ином значении, чем в языке-источнике. Например, фр. *parole* - это "речь", "слово", "обещание", рус. *пароль* - это "секретное, условленное слово, фраза и предмет"; фр. *salade* - это, как правило, "салат из листьев салата с приправой", рус. *салат* - это "любой салат". Для нашего исследования важен тот факт, что удмуртский язык заимствовал семантику именно русского слова, а не семантику его французского источника. Удмуртское слово *пароль* имеет только значение "секретное, условленное слово, фраза и предмет". Соответственно слово *салат* в удмуртском языке, как и в русском, может обозначать кушанье, состоящее из различных овощей, среди которых вовсе не обязательно должен быть собственно салат.

На базе некоторых французских слов в русском языке возникли этимологические дублеты. Значения французского слова, подтверждающие двойственность языкового знака, при

заимствовании были разведены в русском языке между двумя разными словами. Указанное явление стало возможно благодаря преобразованиям на фонетическом (*секретарь* / *секретер* < *secrétaire*; *свита* / *сюита* < *suite*) или морфологическом (*дипломатический* / *дипломатичный* < *diplomatique*; *дивизион* / *дивизия* < *division*; *этикет* / *этикетка* < *etiquette*) уровнях. Показательно, что и в этом случае удмуртский язык ориентируется на свойство русских слов: существуют совершенно различные слова в удмуртском языке: *секретарь* и *секретер*, *свита* и *сюита*, *дивизион* и *дивизия*, *этикет* и *этикетка*, *дипломатичной* и *дипломатической*. Подобные факты еще раз подтверждают важную роль русского языка как посредника при освоении удмуртским языком лексики французского происхождения.

В отношении семантической адаптации опосредованных русских заимствований французского происхождения удмуртским языком из характерных явлений наиболее типичны следующие:

1) утрата опосредованных заимствованием присущего ему в русском языке переносного значения: *борт* - прямое значение / *палэнтэмын* - переносное значение "за бортом" - удмуртское причастие прошедшего времени, образованное от глагола *палэнтэмын* "устранять, удалять, отчуждать"; *мариновать карыны* - прямое значение / *юри жегатыны* ~ переносное: *ужезз юри жегатыны* "мариновать дело";

2) сохранение в качестве синонима заимствованному слову удмуртской лексемы: *азарт* - *вожомон*; *браслет* — *поскес*; *пюре* - *нелъкем*, *немыри*. Удмуртская структура может в этом случае быть представлена словосочетанием: *комплимент* - *чебер кыл*, букв. "красивое слово", *реваниш* - *пунэмзэ берыктон*, букв. "отмщение", *резюме* - *вакчияк йилпумъян*, букв. "краткий итог".

При употреблении параллельных синонимичных структур приведенного типа удмуртский язык использует так называемые "парные слова" с помощью сочинительного способа сложения слов, характерного для языков финно-угорской группы, при котором свободное и равноправное соотношение элементов сложения дает в сумме единое значение (*бордовой* "бордовый" - *сьддалэс-горд*, букв. "темноватый" + "красный"; *оранжевой*

"оранжевый" - *жжалэс-горд*, букв. "желтоватый" + "красный"; *экипировать карыны* "экипировать" - *дйяны-кутчаны*, букв. "одеть" + "обуть").

Наличие синонимов и описательных структур, используемых наряду с русскими заимствованиями французского происхождения, свидетельствует о собственных потенциальных возможностях удмуртского языка, которые активно используются при заимствованиях.

В целом систематизация приемов адаптации слов на фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях в удмуртском языке показала, что изменению подвергались слова не французского, а русского языка, что еще раз подтверждает значительную роль языка, выполняющего функцию посредника при заимствованиях из языка-источника, не имеющего прямых исторических контактов с языком-реципиентом.

На основе имеющихся в научной литературе сведений и анализа собственного материала в диссертации предложена классификация русских слов французского происхождения в удмуртском языке на понятийном уровне по трем разделам: "Вселенная", "Человек", "Человек и Вселенная". В ней отражено влияние внешних факторов в процессе освоения удмуртским языком опосредованных русских заимствований.

В разделе "Вселенная" заимствованными оказались обозначения некоторых явлений природы (*бриз, муссон, ураган*), минералов (*боксит, графит, топаз*), растительности (*бамбук, камелия, тюльпан*), животных (*антилопа, жираф, зебра*), которые являются экзотическими для Волго-Камского региона. Заимствования в этой группе немногочисленны, т. к. для обозначения объектов природы удмурты используют собственные слова, унаследованные от своих предков, живших в различные исторические эпохи.

Самые многочисленные заимствования оказались в разделе "Человек". Проникновение новых слов связано с появлением новых для удмуртов понятий о человеке (*метис, негр, шатен*), с названиями его болезней (*грипп, коклюш, мигрень*) и с детализацией предметных понятий, связанных с новыми потребностями в пище (*антрекот, коньяк, маргарин*), одежде (*берет, жакет, костюм*), материалах ее изготовления (*батист,*

драп, сатин) и т. д. Эти слова объединены нами в подгруппу "Человек как физическое существо". В подгруппе "Душа и интеллект" много заимствований, относящихся к деятельности разума (*анализ, критиковать карыны, резюме*), к воле (*инициативной, контроль, рисковать карыны*) и нравственности (*интриган, меркантильной, мораль*) человека. В подгруппе "Человек - социальное существо" преобладают слова, обозначающие взаимоотношения в обществе (*дипломатичной, партнёр, престиж*) и предметы, связанные с его обустройством: жильем, мебелью, кухонной утварью (*кабинет, трюмо, кастрюля*), а также с организацией государства (*бюрократ, режим, социальной*), национальной обороной (*дивизия, манёвр, минировать карыны*), литературой и искусством (*баллада, пейзаж, фасад*), экономикой и торговлей (*акционер, ресурс, тариф*), здравоохранением (*дантист, карантин, наркоз*) и образованием (*ассистент, стажёр, энциклопедия*) и т. д.

В разделе "Человек и Вселенная" представлены обозначения размера, формы, количества, веса предметов (*габарит, овал, миллион, грамм*), понятия пространства и времени (*вертикальной, минут, сезон*) и др. Эта лексика начала появляться, как правило, в учебниках или работах, переведенных с русского языка на удмуртский.

Диахроническое исследование показало, что появление в удмуртском языке первых опосредованных русских заимствований французского происхождения связано с названиями экзотических предметов, животных и растений, с наличием прогресса, с событиями в общественной жизни, с революциями 1905 и 1917 гг., с периодом первой мировой войны.

Систематизация языкового материала на понятийном уровне позволила нам сравнить его с лексикой тех групп слов, которые относятся к основному словарному фонду удмуртского языка, составляя ядро его лексической системы. Это основные термины родства (*мумы "мать", бубы "отец", ныл "дочь", пи "сын"*), наименования частей тела (*йыр "голова", син "глаз", ныр "нос", ым "рот"*), времена года и явления природы (*гужем "лето", тол "зима", ву "вода", гудыри "гром"*), количественные числительные (*одйг "один", кык "два", кунь "три"*), качественные прилагательные (*жужыт "высокий", шуныт "теплый", капчи "легкий"*), важнейшие глаголы (*лэстыны "делать", кылыны*

"слышать", *мыныны* "идти", *пукыны* "сидеть"). Сопоставление показало, что для изучаемого здесь пласта заимствований основной словарный фонд удмуртского языка не проницаем.

Одной из линий исследования явилось выяснение динамики проникновения в русский и удмуртский языки изучаемых заимствований французского происхождения. Она представлена в виде рисунков, отражающих хронологическую неравномерность процесса заимствования: пик французских заимствований, вошедших впоследствии в удмуртский язык, приходится в русском языке на XVIII-XIX вв. (рис. 1); пик заимствований русских слов французского происхождения в истории удмуртского языка - 20-40-е гг. XX в. (рис 2).

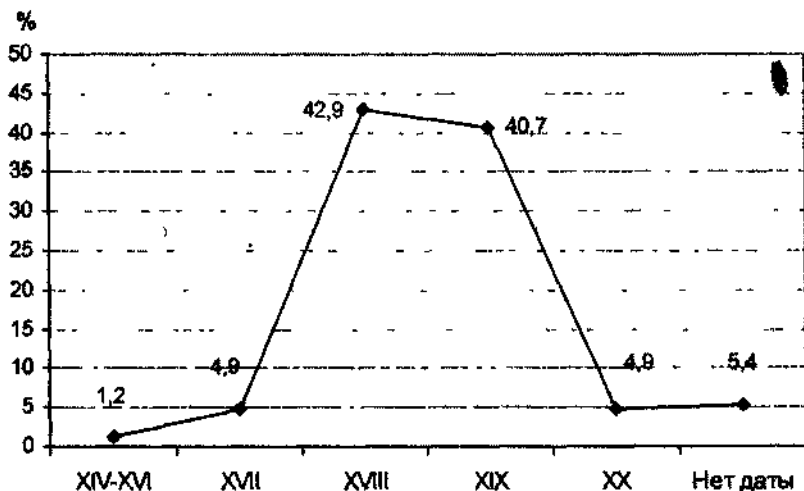

Рис. 1. Динамика фиксации французских слов в русском языке

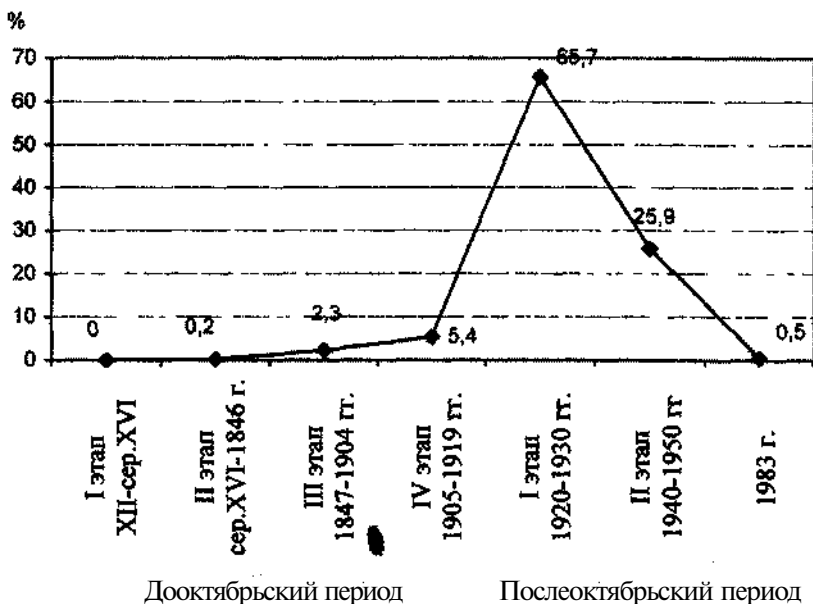

Рис. 2. Динамика фиксации русских слов французского происхождения в удмуртском языке

В дооктябрьский период число опосредованных русских заимствований французского происхождения в удмуртском языке составило по нашим подсчетам лишь около 8%, и это при том, что в памятниках удмуртского языка в дооктябрьский период, как отмечают исследователи (Р.Ш. Насибуллин), зафиксировано уже более 4 тыс. русских слов. Это объясняется тем, что, во-первых, в языке освоение лексики не происходит стремительно. Русскому языку потребовалось 1,5-2 столетия, чтобы он стал языком-посредником при передаче французских заимствований в удмуртский язык. Во-вторых, коренное население Удмуртии дооктябрьского периода занималось главным образом сельским хозяйством. Благодаря существующему укладу жизни удмуртов русские слова французского происхождения не были востребованными. В-третьих, само русское население, проживающее совместно с удмуртами, было необразованно и соответственно не владело французским языком. Дворянство, которое могло бы способствовать распространению французского языка, практи-

чески в крае отсутствовало. Таким образом, слова французского происхождения в дооктябрьский период не употреблялись ни в русском, ни в удмуртском разговорном языках в Вятско-Камском регионе.

По ходу исследования, опираясь на данные, включенные в составленный нами этимологический словарь "Французское слово в удмуртском и русском языках", мы попытались выяснить хронологию фиксации в самом французском языке тех слов, которые в дальнейшем были заимствованы русским языком, а через него - удмуртским. Оказалось, что значительная их часть (более 70%) появилась в письменных источниках французского языка после старофранцузского периода (после XIII в.) и что в своем большинстве сами эти слова имеют иноязычное происхождение.

Последующее наблюдение вывело нас на проблему интернационализмов в составе изучаемого в диссертации корпуса слов. Мы попытались воссоздать типологию взаимодействия французского языка с другими языками (рис. 3-5).

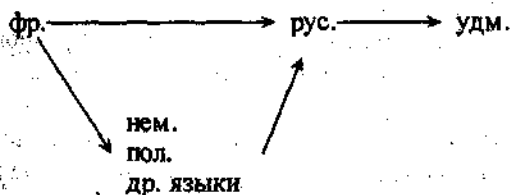

Рис. 3. Исконно французские слова

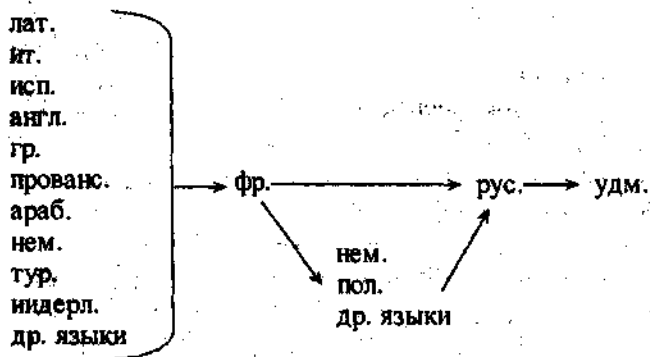

Рис. 4. Прямые заимствования во французском языке

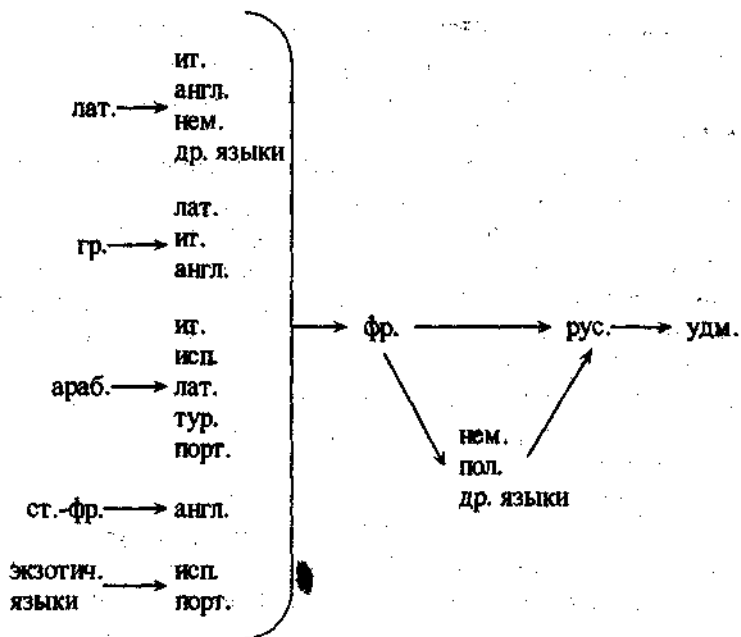

Рис. 5. Опосредованные заимствования во французском языке

Как видно из предложенного нами схематического представления типов взаимодействия французского языка с другими языками, при заимствовании слов исконно французские слова (рис. 3) могли попадать в русский язык как непосредственно, так и через посредство других языков. Аналогичный процесс имеет место и в случае прямого заимствования французским языком иноязычной лексики (рис. 4), а также тогда, когда французский язык воспринимал иноязычную лексику через другие языки-посредники (рис. 5). Типология взаимодействия выявила к тому же, что при реализации всех трех типов взаимодействия языков для удмуртского языка единственным источником заимствования был русский язык.

В ходе исследования нами были выявлены маркеры, свидетельствующие об интернациональном характере французских слов, дошедших до удмуртского языка через русский. Они указывают на влияние, кроме французского, других европейских и древних языков: *-аж*, *-ёр*, *дез-* (французского), *-ировать*,

-тировать (немецкого), -оватъ (польского), -изовать (немецкого + польского), -изм, -idet, -граф (греческого), -ант, -ент, -ация, -тор, де-, дис- (латинского), -ея, -ья, -истина, -ной, -ской, -тёской, -ичной, -овой (разных языков).

Анализ слов изучаемого корпуса примеров показал, что большинство из них заключают в себе большой интернациональный потенциал. Они используются во многих языках: финно-угорских (финском, венгерском, эстонском, эрзянском), романских (испанском, итальянском, румынском), германских (английском, немецком), тюркских (татарском) и др. Мы создали многоязычный словарь на базе той части изучаемых слов, которые входят в число употребительных в самом французском языке. Количественное соотношение рассматриваемых слов в различных языках отражено в рис. 6.

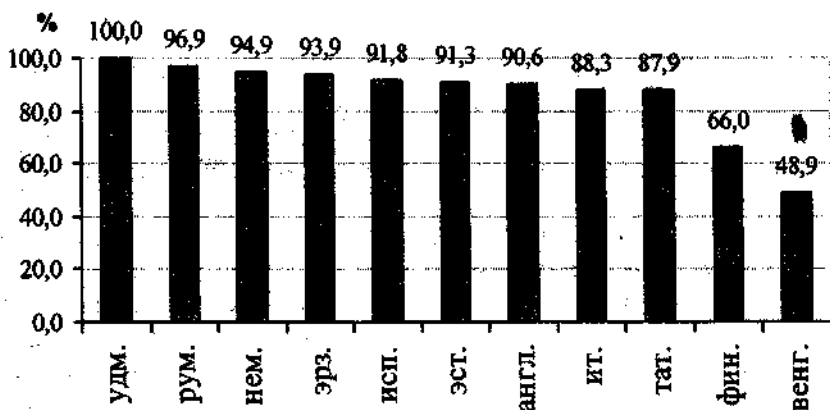

Рис. 6. Французская по происхождению лексика в контексте типологически разных языков

Материал удмуртского языка в контексте типологически разных языков подтверждает, что изучаемый пласт французских слов входит в состав лексической системы удмуртского языка в качестве интернационального. О высокой степени интернационализации французских слов в удмуртском языке свидетельствуют следующие факторы: неоднородность французских слов по своему происхождению (принадлежность другим языкам), пути проникновения в русский язык (участие языков-посредников), использование во многих современных языках.

В заключение первого раздела сформулированы следующие **выводы:**

1. Динамика заимствования опосредованной французской лексики удмуртским языком характеризуется подъемом в послеоктябрьский период (92,4%), пик которого приходится на 20-40-е гг. XX в.
2. Выявление и систематизация приемов адаптации показали, что заимствования французских слов как русским, так и через его посредство удмуртским языком не только пополняют заимствующие системы новыми для них словами, но и активизируют их собственные языковые ресурсы.
3. Предложенная в диссертации классификация русских слов французского происхождения в удмуртском языке на понятийном уровне с учетом взаимодействия внутренних и внешних факторов выявила избирательность словарного состава удмуртского языка к иноязычной лексике. Основным пласт заимствований составляют слова, относящиеся к социальной сфере.
4. Исследование этимологии опосредованных заимствований в контексте других языков обнаруживает высокую степень их интернационализации в удмуртском языке. Посредником при пополнении интернационального лексического фонда удмуртского языка является русский язык.

Второй раздел диссертации **"Опосредованные русские заимствования в отдельных лексических подсистемах удмуртского языка: соотношение исконной и заимствованной лексики"** включает четыре главы. Три из них посвящены изучению удмуртских фитонимов, личных имен удмуртов и названий удмуртского календаря в контексте аналогичных лексических подсистем других языков. В четвертой, заключительной, главе рассматривается проблема регулирования процессов заимствования в удмуртском языке и национально-языковая политика в этом направлении.

Процессы освоения заимствований проходят различно в отдельных лексических подсистемах. Для понимания закономерностей взаимодействия национального и интернационального в удмуртском языке нами выделены три группы: "Удмуртские фитонимы", "Личные имена удмуртов", "Удмуртский календарь".

Объединяет их то, что они относятся к древним группам лексики удмуртского языка.

Изучение научной литературы, касающейся удмуртской ф и т о н и м и и , и анализ языкового материала показывают, что в составе исконного фонда удмуртских фитонимов имеются слова финно-угорского, финно-пермского, общепермского и собственно удмуртского происхождения. На ранних этапах появились индоиранские заимствования. В период самостоятельного развития удмуртского языка пришли слова тюркского и русского происхождения.

Принципы номинаций растений заключаются в номинативных предпочтениях удмуртского этноса, отражающих ментальность носителя традиционной крестьянской культуры: названия по внешнему виду (*тӱдды сяська* "ромашка", букв, "белый цветок"), по месту произрастания (*вукуар* "мать-и-мачеха", букв, "водяной лист"), по целебным свойствам (*зыр быдт йсь* "чистотел", букв, "уничтожающий бородавку"). Удмурты широко используют метафорический способ номинации. Зооморфная метафора (*пунысюл* "выюнок", букв, "собачья кишка"; *турикук* "папоротник", букв, "журавлиная нога") является одним из самых распространенных способов номинации. Иногда употребляется метафоризация с актуализацией сакрального мотива номинации: *инмар сяська* "гвоздика", букв, "божий цветок"; *йыр берыктон сяська (турын)* "белена", букв, "привораживающий цветок (трав)".

В удмуртском языке при создании зооморфных метафор активно используются названия животных и птиц, которые издревле знакомы удмуртам: *пуны* "собака" (*пуныжилы* "одуванчик", букв, "собачья цепь"), *куака* "ворона" (*куакамулы* "морoshка", букв, "воронья ягода"), *зазег* "гусь" (*зазеглюгы* "череда", букв, "гусиный репейник").

В данной лексической подсистеме удмуртского языка в качестве второго компонента широко употребляются слова *турын* "трав" (*кузьыттурын* "щавель", букв, "соленая трава") и *сяська* "цветок" (*гудырисяська* "калужница", букв, "цветок грома").

Сравнительный анализ русских и интернациональных фитонимов выявил, что в них заложены похожие мотивы номинации (внешний вид, место и время произрастания, связь с

животным миром, свойства растений и др.). Таким образом, на ранних этапах развития языков названия фитонимов были, как правило, мотивированными. Они присущи многим языкам, что свидетельствует об универсальном характере человеческого мышления.

Растения могут вызывать разные ассоциации у носителей разных народов. Возьмем, в качестве примера названия цветка "ноготок", который может быть именован: а) по цвету: удм. *Ѓуж сяська*, букв. "желтый цветок"; англ. *marigold* (gold "золото"); б) по форме семян: рус. *ноготок*; нем. *Ringelrose* (Ringel "колечко, завиток" + Rose "роза") или *Ringelblume* (Blume "цветок"); в) по свойству растения: фр. *souci*, букв. "следующий за солнцем"; г) по времени цветения: лат. *calendula* - интернациональный термин (ср. фр. *calendula*, рус. *календула*) от лат. *calendae* "календы" - первый день каждого месяца, т.е. "всегда цветущий".

Иногда принцип номинации совпадает, хотя народы проживают отдаленно друг от друга. Так, в типологически разных языках показательно название цветка "колокольчик": удм. *гырлысяська*, букв. "колокол" + "цветок" или *куакагырлы*, букв. "вороний колокол"; рус. *колокольчик*, уменьш. от "колокол"; фр. *campanule* < итал. *campanula*, уменьш. от *сатрапа*, букв. "колокол"; англ. *bluebell*, букв. "синий колокол"; нем. *Glöckchen*, уменьш. от *Glocke* "колокол". Форма цветка настолько ярко выражена, что сема в названиях совпадает.

Интернациональные фитонимы появились вместе с реалиями, которые не были ранее знакомы удмуртам (*бегония, герань, люцерна*). Некоторые названия продолжают оставаться до сих пор экзотическими (*лаванда, олеандр, эдельвейс*). Растения, знакомые удмуртам с древних времен, обозначаются словами исконного фонда. Изученная лексическая подсистема удмуртского языка подвержена интернационализации в незначительной степени.

Личные имена являются одним из источников не только для изучения истории языка, но и для изучения истории и культуры народа. В личных именах ранних периодов отражаются первые контакты и взаимодействие языков, а также их носителей. Так, в удмуртском языке появлялись иранские, угорские, тюркские, а затем русские имена.

В культурологическом плане удмуртские имена отражают этнографическую специфику. Удмурты, например, верили, что человек с отпугивающим именем сможет избежать воздействия дурного глаза и злых духов, вызывающих болезни. В старину удмурты редко обращались друг к другу по имени, широко используя при этом термины родства и свойства. На ранних этапах существовали обряды имянаречения, многие из которых ушли из современной жизни. Обрядам, обычаям и поверьям удмуртов имеются параллели в верованиях других народов. Самобытным у удмуртов является обычай наречения замужних женщин *воршудными* (родовыми) именами.

На раннем этапе развития языка удмурты в основном использовали в качестве личных имен исконные (языческие) имена. С принятием христианства они полностью перешли на русские календарные имена. В свою очередь эти имена были заимствованы самим русским языком и представляют интернациональный фонд личных имен, включающий в значительной мере лексику древних языков: латинского, греческого, древнееврейского, германского, реже скандинавского и славянского.

Проведенный нами сравнительный анализ этимологии удмуртских, русских и интернациональных личных имен показал, что у разных народов в древности мотивы имянаречения были похожими. Так, в основе исконно удмуртских имен лежат: физические и моральные качества (*Пичи* "маленький", *Судай* < суд "светлый, русый", *Бур* "добрый"), ассоциации с животным и растительным миром (*Пислег* "синица", *Кый* "змея", *Лужей* "олень", *Чиней* "щука", *Узы* "земляника"), связь с сезонами года и циклом земледельческих работ (*Пучы* "верба", *Культа* "сноп жита"), термины родства (*Анай* "тетя"), этнонимические антропонимы (*Чувашко*; *Дюч* < зуч "русский"). Антропонимы других национальных языков России и личные интернациональные имена свидетельствуют о том, что в них заложены похожие мотивы имянаречения. Кроме того, в личных интернациональных именах отражаются и другие мотивы: виды деятельности (*Георгий* "земледелец"; *Инполит* "укротитель лошадей"), воинствующие качества (*Алексей* "защитник", *Николай* "победитель народов"), названия местности (*Лидия*-область в Малой Азии, *Роман*- "житель Рима", социальное

положение (*Василий* "царь", *Евгений* "благородный"), имя государственного деятеля или знатного рода (*Антон* - римское родовое имя, *Татьяна* - имя короля сабинов), религиозный мотив (*Анастасия* "воскресшая", *Иван* "милость божья"), имя божества, мифологического героя (*Дмитрий* "бог земли", *Денис* "бог вина"). Эти имена говорят о высокой степени общественного развития греко-латинской цивилизации. Первоначально личные имена были мотивированы во всех языках, что подтверждает универсальность человеческого мышления.

Большинство интернациональных имен пришли в разные языки на ранних этапах истории их развития, в связи с чем они подверглись различным фонетическим изменениям, которые отразились и на графике. Часть имен, пройдя через все этапы развития конкретного языка, обрели национальный колорит, например: личные имена французского (*Жан*, *Мишель*), английского (*Джон*, *Майка*), немецкого (*Иоганн*, *Михаэль*) и русского (*Иван*, *Михаил*) языков.

Похожая система развития в удмуртском языке. Первоначально использовались исконно удмуртские имена, так называемые языческие имена. При обращении в христианскую веру русская церковь стала нарекать удмуртов христианскими именами. На протяжении длительного времени (двух-трех столетий) существовала дуальная модель имени: использование для одного человека языческого (первого) и христианского (второго) имени. В послеоктябрьский период удмурты стали давать детям преимущественно русские имена, рассматривая национальные имена как пережиток прошлого.

Вначале, принимая христианские имена, удмурты стремились адаптировать их к своей фонетической и морфологической системе (М.Г. Атаманов). Систематизация закономерностей преобразований интернациональных личных имен, пришедших через русский язык в удмуртский, позволила выявить тенденцию к уменьшению слогов в многосложных антропонимах (*Алексей* > *Эгей*, *Александра* > *Сана*, *Варвара* > *Вара*); отказ от скопления группы согласных (*Дмитрий* > *Митрей*, *Григорий* > *Гирой*); использование уменьшительно-ласкательных суффиксов (*Варук*, *Наток*, *Педыкай*, *Петка*, *Санди*, *Сашик*); замену звуков (*Антон* > *Онтон*, *Николай* > *Микулай*, *Федор* > *Педор*, *Виктор* > *Биктур*); усечение русских флексий (*Маргарит*, *Клавди*,

Анатоль); использование форманта *-лей* (*Васьлей, Мишлей*); перенос ударения в адаптированных именах на последний слог и др.

Интернациональные личные имена стали приобретать национальный отпечаток в удмуртском языке, как и в других европейских языках. В современном языке эти изменения встречаются только в разговорной речи. Официальные личные имена удмуртов употребляются сегодня на графическом, а следовательно, и фонетическом уровнях в русском варианте. Посредническая роль русского языка в интернационализации данной лексической подсистемы очевидна.

Названия месяцев года выглядели раньше в удмуртском языке следующим образом: *толшор* (*толэзь*) - январь, букв. "середина зимы"; *тулыспал* - февраль, букв. "к весне, близко к весне", т.е. канун весны; *южтолэзь* - март, где *юж* "наст", букв. "настовый месяц"; *оштолэзь* - апрель, "бычий месяц"; *куартолэзь* - май, где *куар* "лист", т.е. месяц распускания листвы; *инвожо* (*толэзь*) - июнь, *Инвожо* - "бог полудня", т.е. летнее солнцестояние; *пдсьтолэзь* - июль, букв. "жаркий месяц"; *гудыркошкон* - август, букв. *гудыри* "гром" + *кошкон* "уход"; *куарусён* - сентябрь, букв. "листопад"; *коньывуон* - октябрь, букв. *коньы* "белка" + *вуон* "созревание", т.е. созревание шерсти шкуры белки; *шуркыймон* - ноябрь, букв. *шур* "река" + *кыймон* "замерзание", т.е. замерзание реки; *толсур* (*толэзь*) - декабрь, букв. "зимнее пиво", т.е. месяц зимнего праздника.

Изучение лексики данной группы свидетельствует о типе мышления удмуртов дохристианской поры. Классификация удмуртских названий месяцев отражает событийный характер восприятия времени, в основном - это состояние природы, связь с растительным и животным миром, празднично-обрядовые мероприятия. Эта национальная специфика включает в себе общечеловеческий характер мышления, который объединяет древних людей.

Названия месяцев в удмуртском языке в настоящее время совпадают с русскими. Русские названия в памятниках удмуртского языка впервые зафиксированы в XIX в.: *январь, февраль, март* - 1874 г.; *апрель, май* - 1889; *июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь* - 1874 г. (Р.Ш. Насибуллин). Следовательно, русские названия месяцев используются в удмуртском языке уже более века, прочно войдя в словарный

состав языка. Их появление, как и появление личных имен, связано с введением христианства у удмуртов.

Названия месяцев года берут начало из латинского языка, поэтому они совпадают как в удмуртском и русском языках, так и во многих европейских языках. Приведем в качестве примера названия первого месяца года: фр. *janvier*, англ. *january*, нем. *Januar* восходят к латинскому *mensis Januarius* "январь", букв. "месяц (двуликого) Януса" и т. д.

Названия дней недели в удмуртском языке существовали собственные: *вордйськон* - понедельник, букв. "рождение, возникновение"; *пуксён* - вторник, букв. "сидение" (окончательное установление, вхождение недели в свое русло); *вир нунал* - среда, букв. "день крови" (название заимствовано, по-видимому, удмуртами у древних булгар, у которых этимология данного слова связывалась с кровавыми жертвоприношениями, но среди удмуртов его смысл не утвердился); *покчи арня* - четверг, букв. "малая неделя", или "предпятничный день"; *бадзым арня* - пятница, букв. "большая неделя" (в прошлом считался днем отдыха); *кос нунал* - суббота, букв. "сухой день"; *зуч арня* - воскресенье, букв. "русская неделя" (получил название под влиянием русских, устраивавших в воскресные дни базары).

Русские названия дней недели в памятниках удмуртского языка впервые зафиксированы во второй половине XIX в.: *понедельник* - 1888 г., *вторник* - 1890, *среда* - 1877, *четверг* - 1880, *пятница* - 1847, *суббота* - 1847, *воскресенье* - 1877 г. Современные названия дней недели в удмуртском языке совпадают с русскими, за исключением слова *арнянунал*, *арня* "воскресенье".

Названия дней недели в русском языке остались в том варианте, в котором они были заимствованы римлянами в I в. н.э. у древних евреев, т.е. обозначены в основном порядковыми номерами: *понедельник* "день, идущий после (по) не́дели (= совр. *воскресенье*)"; *вторник* "второй"; *среда* церковнослав. "сере-дина"; *четверг* "четвертый"; *пятница* "пятый"; *суббота* др.-евр. *sabbath* "отдых, покой"; *воскресенье* "день воскресения (миф о воскресшем из мертвых Иисусе Христе).

Как известно, деление месяца на семидневные недели впервые вошло в употребление на Древнем Востоке. В I в. н. э.

под влиянием древних евреев оно стало употребляться в Риме, откуда позднее распространилось по всей Западной Европе. В заимствованной римлянами семидневной неделе все дни, кроме *субботы*, назывались порядковыми номерами в неделе: 1-й, 2-й и т.д. Затем римляне стали называть дни недели по семи светилам, носившим имена римских богов: *Lunae dies* "день Луны" (понедельник), *Martis dies* "день Марса" (вторник), *Mercuri dies* "день Меркурия" (среда), *Jovis dies* "день Юпитера" (четверг), *Veneris dies* "день Венеры" (пятница), *Saturni dies* "день Сатурна" (суббота), *Solis dies* "день Солнца" (воскресенье). Латинские названия, видоизменившись, отчасти сохраняются до сих пор в названиях дней недели в языках Западной Европы: фр. *lundi*, англ. Monday, нем. Montag "понедельник", букв. "день Луны" и т. д.

В удмуртском языке исконно удмуртские названия месяцев и дней недели существовали длительное время. Во второй половине XIX в., как отмечалось выше, стали использовать русские названия. В этот период начали издавать переводную религиозную литературу, в которой широко употреблялась лексика, относящаяся к христианской вере. Новые названия месяцев и дней недели были связаны с внедрением православных праздников среди удмуртов. На протяжении длительного времени в удмуртском языке существовала дуальная модель удмуртского календаря: использование исконно удмуртских и христианских названий. Затем удмуртский язык полностью перешел на христианские (русские) названия. Прежние названия стали архаичными и сохранились в диалектах, носители которых не подвергались или мало подвергались христианизации.

Таким образом, внутри наиболее древних подсистем удмуртского языка обнаружилось следующее: национальное проявление наиболее ярко выражено в подсистеме "Удмуртская фито-нимия"; подсистемы "Удмуртский календарь" и "Личные имена удмуртов" подвержены наибольшей интернационализации, выраженной через опосредованные заимствования, что объясняется внешними факторами, которые связаны с христианизацией удмуртского народа.

Взаимодействие удмуртского и русского языков ставит проблему взаимоотношения национального и

интернационального компонентов в лексике удмуртского языка. На протяжении всего XX века возникал вопрос о регулировании процессов заимствования иноязычной лексики, в основном русской, в удмуртском языке.

В последние десятилетия удмуртская речь стала настолько изобиловать русскими словами, что, по мнению некоторых специалистов, появилась опасность утраты национальной самобытности удмуртского языка. Представители удмуртской интеллигенции предлагают заменить некоторые заимствования с помощью ресурсов национального языка.

Постановлением Президиума Государственного совета и Правительства Удмуртской Республики (1995 г.) образована Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. В ее задачу входит, в частности, упорядочение терминотворчества и образование новых терминов. В целом работа Республиканской термино-орфографической комиссии, а также повышенный интерес части удмуртов к чистоте языка дают сегодня положительные результаты. Заметна активизация собственных потенциальных ресурсов удмуртского языка. К самому активному способу относится сегодня новообразование, чаще всего создание сложных слов. Одним из каналов реализации собственных потенциальных ресурсов современного удмуртского языка является также возрождение устаревших слов: историзмов и архаизмов.

В последние десять лет удмуртской интеллигенцией усиленно внедряются в язык архаичные названия месяцев и дней недели вместо интернациональных, созданных на латинской основе. Насколько эта тенденция окажется жизнеспособной, покажет время.

Нами были проанализированы удмуртские слова, предложенные Республиканской термино-орфографической комиссией взамен употребляемых русских в современном удмуртском языке (Кылвалэктос, 1998). Комиссия проделала большую работу при подготовке словаря, который включает несколько сотен языковых единиц. Вне всякого сомнения, это позволит уменьшить существующую русификацию удмуртского языка. Вместе с тем целесообразность замены некоторых заимствований представляется сомнительной.

Мы выявили русские слова французского происхождения и сравнили их с аналогичными словами других языков. Как показало сравнение, некоторые слова вновь созданного словаря употребляются во многих языках. Для иллюстрации мы составили сводную таблицу интернациональных слов в удмуртском языке, воспроизводящих соответствующие русские слова, и те удмуртские новообразования, которые предлагаются взамен:

фр.	propagande	social	système	phrase	souverain
рус.	пропаганда	социальный	система	фраза	суверенный
удм.	пропаганда	социальной	система	фраза	суверенной
эрз.	пропаганда	социальной	система	фраза	суверенной
тат.	пропаганда	социаль	система	фраза	суверен..., суверенлык...-ы
фин.	propaganda, propagointi	sosiaalinen, sosiaali-	systeemi	fraasi	suvereeni(nen)
венг.	propaganda	szocialis	szisztéma	frazis	szuveren
эст.	propaganda	sotsiaal	süsteem	fraas	suveräänne
исп.	propaganda	social	sistema	frase	soverano
ит.	propaganda	social	sistema	frase	sovrano
рум.	propagandă	social	sistem	frază	suveran
англ.	propaganda	social	system	phrase	sovereign
нем.	Propaganda	sozial	System	Phrase	souverän
удм. новый вариант	валэктон, волмытон	мерлыко	сдзнэт	басытэмкыл	асэрико

Представляется, что искусственное устранение из удмуртского языка русских заимствований интернационального характера может привести к обеднению удмуртского языка и затруднить общение с носителями других языков на уровне культуры, науки, экономики, политики.

В заключение второго раздела сформулированы следующие **выводы**:

1. Для выявления национального и интернационального в удмуртской фитонимии определены принципы, способы и средства номинации растений в удмуртском языке. Анализ удмуртских и русских фитонимов показывает, что в них заложены похожие мотивы номинации: внешний вид растений, место и время произрастания, связь с животным миром, свойства растений и др. Интернациональные фитонимы, проникшие в удмуртский язык через русский, имеют, кроме того, специфические принципы номинации, связанные, например, с греко-латинской мифологией. Интернациональные фитонимы появились в удмуртском языке с появлением растений, ранее не известных удмуртам, в то время как растения, знакомые удмуртам с древних времен, обозначаются словами исконного фонда удмуртского языка.
2. На раннем этапе развития языка удмурты использовали в качестве личных имен исконные имена. В их основе лежат физические и моральные качества, ассоциации с животным и растительным миром, связь с сезонами года и циклом земледельческих работ, терминами родства и этнонимическими антропонимами. Сравнительный анализ удмуртских, русских и интернациональных личных имен свидетельствует о схожести мотивов имянаречения. Личные интернациональные имена содержат и специфические мотивы, обусловившие их появление: виды деятельности человека, воинствующие качества, социальное положение, имена богов. На протяжении двух-трех столетий у удмуртов существовала дуальная модель имени: использование для одного человека языческого (первого) и христианского (второго) имени. В послеоктябрьский период удмурты стали давать своим детям русские имена, которые являются опосредованными заимствованиями интернационального происхождения.

3. Сравнительный анализ названий месяцев года и дней недели показывает, что удмуртский и русский языки используют для их названия интернациональную лексику, образованную на латинской основе. Если названия месяцев в удмуртском и русском языках совпадают с аналогичными названиями в других европейских языках (в частности, французском, английском, немецком), то в языках Западной Европы употребляются названия дней недели римлян более позднего периода.

В заключении формулируются основные выводы, подтверждающие положения, выносимые на защиту. В частности, указывается, что удмуртский язык при адаптации опосредованной лексики использует собственные языковые ресурсы и, осваивая иноязычные слова, проявляет избирательность; динамика заимствования опосредованной (французской) лексики характеризуется подъемом в послеоктябрьский период; основу заимствований французского происхождения составляют лексемы с высокой степенью интернационализации, относящиеся к различным областям жизни общества; в отдельных лексических подсистемах удмуртского языка опосредованные заимствования, входящие в интернациональный фонд типологически разных языков, вытеснили исконную лексику, например, в личных именах удмуртов (преимущественно словами греко-латинского и древнееврейского происхождения) и удмуртском календаре (словами латинского происхождения); посредником при пополнении интернационального лексического фонда удмуртского языка является русский язык.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии, этимологические словари и учебные пособия

1. Зеленина Т.И. Опосредованные заимствования в удмуртском языке: Французский пласт. СПб.: Филол. ф-т С.-Петербург, ун-та, 2002. 203 с.
2. Зеленина Т.И. Французское слово в русском и удмуртском языках: Этимологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Удм. гос. ун-т; Нац. ин-т вост. яз. и цивилизаций (Париж, Франция). Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2002. 274 с.

3. Зеленина Т.И. Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах: Учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2001.- 140 с.
4. Зеленина Т.И. Французское слово в русском и удмуртском языках: Этимологический словарь / Удм. гос. ун-т, Нац. ин-т вост. яз. и цивилизаций (Париж, Франция). Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2000. 256 с.
5. Зеленина Т.И. Интернациональные личные имена: Этимологический словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 68 с.
6. Зеленина Т.И. От имен собственных к нарицательным: Этимологический словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. 140 с.
7. Зеленина Т.И. Интернациональная лексика в удмуртском языке. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. 84 с.
8. Юрова И.В., Зеленина Т.И., Фюзат Ф. Практическая фонетика французского языка: Учеб. пособие. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. 75 с.
9. Зеленина Т.И. Цветов язык и аромат... (история слов, мифы, легенды, были, стихи о цветах): Науч.-популяр. пособие. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. 125 с.

Научные статьи, тезисы докладов и сообщений

10. Зеленина Т.И. Графика французского слова как отражение его истории // Современные проблемы романистики: Функциональная семантика: Тез. докл. V Всесоюз. конф. по романскому языкознанию. М.: АН СССР; Калинин: КГУ, 1986. С. 113-114.
11. Зеленина Т.И. Русские заимствования французского происхождения в удмуртском языке // XVII Всесоюз. финно-угорская конф.: Тез. докл. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР, Удм. гос. ун-т. Т. 1: Языкознание. Устинов, 1987. С. 82-84.
12. Зеленина Т.И. О влиянии заимствований на фонетику и графику французского слова // Молодежь Удмуртии ускорению научно-технического прогресса: Тез. докл. / Удм. областной комитет ВЛКСМ, Удм. областной совет НТО. Ижевск, 1987. Ч. 3. С. 311-112.

13. Зеленина Т.И. Изучение фонетических процессов в старо-французском языке через рифму (изменение в системе консонантизма)// Молодые ученые - ускорению научно-технического прогресса / ИНИОН АН СССР. № 32983 от 5.03.88 г. М., 1988. 12 с.
14. Зеленина Т.И. Отражение заимствований в нередуцированной конечной гласной современного французского слова // Актуальные вопросы романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков в вузе. Самарканд: Изд-во СамГУ, 1988. С. 55.
15. Зеленина Т.И. Этимологическая характеристика французских слов с конечным «и» // Молодые ученые - науке и народному хозяйству: Тез. докл. / Удм. гос. ун-т, ИГМИ. Ижевск, 1988. С. 52.
16. Зеленина Т.И. Лексика школьных учебников как предмет изучения в курсе истории французского языка// Научное языкознание и школа. Ч. 2: Научное языкознание и преподавание ИЯ в школе / УдГУ. Ижевск, 1989. С. 9.
17. Зеленина Т.И. Оптимизация занятий по истории французского языка// Пути и методы оптимизации учебного процесса в вузе / УдГУ. Ижевск, 1989. С. 130.
18. Зеленина Т.И. Русские заимствования французского происхождения как источник пополнения удмуртской лексики// Советское финно-угроведение. Таллинн, 1989. № 3. С. 182-184.
19. Зеленина Т.И. Активные методы обучения как способ развития научной мысли студентов (к вопросу о содержании спецкурса "Этимология слов")// Активные методы обучения и контроль знаний студентов: Тез. докл. науч.-метод. конф. Ижевск, 1990. С. 73-75.
20. Зеленина Т.И. Влияние семантики на фонетику и графику французского слова (конечные согласные в истории французского языка) // Семантика языковых единиц разных уровней (на материале романо-германских языков). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1990. С. 129-130.
21. Зеленина Т.И. Греко-латинские элементы в удмуртском языке // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. ст. / АН СССР; УрО; Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1990. С.171-178.

22. Зеленина Т.И. Интернациональная лексика в современном удмуртском языке// Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. 3C: Dissertazione: Linguistica. Debrecen, 1990. P. 252-258.
23. Зеленина Т.И. К вопросу об интернационализации удмуртской лексики // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. 2A: Summaria dissertationum: Linguistica. Debrecen, 1990. P.285.
24. Зеленина Т.И. Об интернациональной лексике в современном удмуртском языке: Романо-германский пласт // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / АН СССР; УрО; Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1990. С. 53-65.
25. Зеленина Т.И. Роль французской лексики в интернационализации удмуртского языка // Современные проблемы романистики: прагматика, семантика, синтаксис: Тез. докл. VI Всесоюз. конф. по романскому языкознанию. М.; Воронеж, 1991.С.69-70.
26. Зеленина Т.И., Латинская СВ: К вопросу о методологии и методах обучения иностранным языкам // Профессионализм педагога: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. СПб.; Ижевск, 1992. Ч. 2. С. 244-245.
27. Зеленина Т.И. Этимологическая характеристика французских слов с начальным «h» // Семантика языковых единиц разных уровней (на материале романо-германских языков): Тез. докл. науч.-практ. конф. /Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1992. С. 166-167.
28. Зеленина Т.Н. Из истории французских слов с начальным «h» // Вестн. Удм. ун-та. Ижевск, 1993. № 7. С. 84-89.
29. Зеленина Т.И. Употребление интернациональных слов в тематических группах удмуртской лексики // Проблемы развития литературных языков финно-угорских народов: Материалы Рос. науч. конф. /Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1993. С. 17.
30. Зеленина Т.Н. Иностранный язык и молодой финно-угр // Финно-угорская молодежь: проблемы, перспективы, решения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. "Молодежь и финно-угорский мир". Ижевск, 1994. С. 8-10.

31. Зеленина Т.И. Синхронное и диахронное изучение омонимов // Веста. Удм. ун-та. Лингвистика. Ижевск, 1996. № 2. С. 10-17.
32. Зеленина Т.И. Семантико-фонетические взаимоотношения (из истории французского языка) // Языковая семантика и образ мира: Материалы междунар. науч. конф. Книга 2 / Казан, гос. ун-т. Казань, 1997. С. 19-20.
33. Зеленина Т.И. Этимология интернациональных личных имен // Третья Рос. унив.-акад. науч.-практ. конф.: Тез. докл. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1997. Т. 4. С. 131-133.
34. Outekhina A., Zelenina T. L'enseignement précoce des langues étrangères à l'école "Lingua" // Multilinguisme et multiculturalité de la recherche aux applications. Fribourg, Suisse, 1997. P. 18.
35. Zelenina T., Outekhina A. Les premiers pas vers le multilinguisme (l'enseignement des langues étrangères en Oudmourtie) // Multilinguisme et multiculturalité de la recherche aux applications. Fribourg, Suisse, 1997. P. 17.
36. Утехина А.Н., Зеленина Т.И. Новые подходы к обучению иностранным языкам на рубеже XX-XXI вв. // Женщины и общество: Вопросы теории, методологии и социальных исследований: Материалы традиционной (IV) Всерос. конф. с междунар. участием / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1998. С. 295-296.
37. Зеленина Т.И., Утехина А.Н. О концептуальном подходе при обучении иностранному языку // Женщины и общество: Вопросы теории, методологии и социальных исследований: Материалы традиционной (IV) Всерос. конф. с междунар. участием / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1998. С. 234-236.
38. Зеленина Т.И. Интернациональный характер названий дней недели в европейских языках // Четвертая Рос. унив.-акад. науч.-практ. конф. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1999. С. 46-48.
39. Утехина А.Н., Зеленина Т.И. Интегративная программа "Лингва": Программа обучения и развития детей дошкольного и младшего школьного возраста. 2-е изд., перераб. и доп. Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2000. 66 с.

40. Zelenina T. Sprachen - Brücken über Grenzen // Soziokulturelle Perspektiven des Fremdsprachenunterrichts. Lüneburg; Ishevsk, 2000. S. 99.
41. Зеленина Т.И., Утехина А.Н. Проект концепции "Многоязычие в полиэтническом регионе (раннее языковое образование в Удмуртской Республике)" // Раннее языковое образование: состояние и перспективы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2001. С. 81-85.
42. Зеленина Т.И. Раннее языковое образование - первый шаг к многоязычию (из опыта работы в Удмуртской Республике) // Раннее языковое образование: состояние и перспективы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2001. С. 78-81.
43. Зеленина Т.И. Удмуртский язык в контексте диалога языков и культур // Пятая Рос. унив.-акад. науч.-практ. конф. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2001.-Т. 1. С. 83-85.
44. Зеленина Т.И., Утехина А.Н. К вопросу о языковой политике в Удмуртской Республике (раннее языковое образование) // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2002. С. 193-194.
45. Зеленина Т.И. Удмуртское языкознание глазами зарубежных ученых (к 60-летию профессора В.К. Кельмакова) // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2002. С. 95-98.